

И. В. Борщ

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА И ОБРАЗ ПРАВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОИСК В СОЦИАЛЬНО- ПРАВОВОЙ ФИЛОСОФИИ (по работам Николая Алексеева)

Аннотация: Статья посвящена обсуждению методологических аспектов философии права Алексеева и тезиса о том, что право – не совокупность привилегий, но возможность для актуализации личностью различных ценностей, пространство для деятельной жизни, где личность может выступать и субъектом правомочия, но также, без какого-либо для себя ущемления, и субъектом обязанности.

Ключевые слова: методология права, социально-правовая философия, образ права, ценности права.

1. Критика смешения методов естественных и социальных наук в неокантианский период

Магистерская диссертация Н.Н. Алексеева «Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов» (Москва, 1912) была написана в духе неокантианства, с которым он подробно знакомится во время стажировки в Европе в 1908-1910 гг. Сама проблема, которой была посвящена диссертация – «натурализм» в общественных науках, применение методов естественных наук в науках о человеке – подробно разрабатывалась Виндельбандом, под руководством которого Алексеев стажировался в Гейдельберге¹. Однако, диссертация содержала наряду с развитием идей Виндельбанда, подробную историю и критику марксистской социальной философии — плод юношеского увлечения и последующего разочарования в марксизме автора. Русский правовед упоминает также и некоторые методологические предложения Анри Бергсона, лекции которого он также посещал во время командировки в Париже. В предисловии Алексеев подчеркивает, что в своей работе он откликнулся в первую очередь на потребности русской науки и русской действительности².

Основной пафос этой работы – критика «натурализма» в общественных науках. Под «натурализмом» понимается перенесение естественно-научных методов, а также связанных с ними категорий и понятий, в исторические и общественные науки, изучающие социокультурные вопросы.

¹ См.: Виндельбанд В. Природа и история // Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т. 2. М., 2000. С. 457-473.

² См.: Алексеев Н.Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимодействии их методов. М., 1912. С. XIII.

Н.Н. Алексеев выделяет два периода преобладания социально-политического натурализма: механико-математический в XVII веке и материалистический в XIX в. Через призму «натурализма» и борьбы с ним он рассматривает всю социальную философию нового времени (включая философию права).

Акцентируя методологические аспекты различных правовых теорий, Алексеев приходит к парадоксальным выводам. Различия «натурализма» естественно-правовой школы и марксистского «натурализма», полагает он, представляют собой эволюцию одной и той же методологической идеи.

Что наиболее отталкивает Алексеева в методологическом «натурализме»? Прежде всего, это попытка полной рационализации общественных отношений, и связанное с ней убеждение, что общественную науку можно вылить в математические формулы, построить общество и обществоведение *more geometrico*.

Можно подумать, пишет Алексеев, предвосхищая вывод читателя, что автор склоняется к иррационализму, как он выразился в учениях прагматизма и интуитивизма. «Я не видел бы в этом ничего плохого», – замечает Алексеев, однако он не разделяет их «логического и гносеологического релятивизма». В этом смысле его симпатии в этой работе — на стороне логических изысканий неокантианства. Однако и неокантианская методология принимается им ограниченно, до тех пор, пока она остается всего лишь «инструментом» в научном исследовании и не «переходит в онтологию и метафизику»³.

Наиболее разрушительно, считает Алексеев, «натурализм» сказался на представлениях о человеке и обществе, и это имело далеко идущие последствия для философии права. Постулат естествознания, гласящий,

³ Алексеев. Науки общественные. С. XIII-XIV.

что нет целого, которое содержало бы качественно больше чем его части, перекочевавший в социальные науки, утвердил представление об обществе как о количественном множестве разрозненных единиц.

В таком представлении находит свое утверждение теория и практика индивидуализма. Так появляется понятие «абстрактной человеческой личности». Личность, понимаемая натуралистически и механически, превращается в социальный атом, элементарную частицу, идентичную всем прочим частицам, руководящуюся в своем существовании единственно стремлением к самосохранению и саморазвитию. Спиноза, пишет Алексеев, ставит знак равенства между стремлением человеческой единицы к самосохранению и универсальной силой инерции в вещах. При таком понимании, право является выражением природной «силы упругости» в человеке, как в элементарной социальной частице, а также выражением равнодействующей этих сил, если они вступают в конфликт⁴. Социальные единицы объединены в общество внешним, механическим образом. Связь индивидов друг с другом и с обществом в целом – чисто функциональная. Онтологически индивиды не нуждаются в обществе. И правами они обладают прирожденно, сами по себе и для себя. Обратная сторона такого подхода состоит в том, что общество также может не нуждаться в конкретных индивидах, т.к. главное отличие механизма от организма как раз и заключается в заменяемости его частей.

Подобная дегуманизация социальной философии, по мнению Алексеева, – это следствие буквального понимания математических и механических аналогий в общественных науках. «По общему смыслу своей задачи, рациональный натурализм отождествлял социальное бытие с бытием математическим. Общественная система, построенная *more physico et geometrico*, не может не быть подобна системе геометрии, в которой нет никакого изменения и никакого развития, но вечные постоянные, константные отношения между элементами – атомами-личностями. Взгляд этот последовательно выражается в учении о неизменном характере естественного права»⁵. Школа естественного права, формулируя права человека, исходит из природного, естественного человека. Но «природный, естественный человек», т.е. человек вне истории и культуры – это абстракция.

В раннем марксизме, считает Алексеев, есть правомерный протест против такой абстракции. Маркс пытается противопоставить человеку естественному человеку социального, как члена исторической социальной связи. Но, поскольку, превалирующей и конституирующей стороной общественной жизни в марксизме является производство, а понятие социальных связей и отношений имеет тенденцию сливаться с понятием производственных отношений, постольку и «человек социальный» в марксизме очень скоро превращается в еще одну абстракцию – «человека экономического». А социальный пафос раннего марксизма, который первоначально противостоял индивидуализму, преобразуется в крайний коллективизм.

Для Алексеева в каком-то смысле эти крайности тесно связаны. Поэтому его интересуют органические теории общества, как антитеза рационалистическому, механистическому и индивидуалистическому взгляду на общество⁶.

Таким образом, мы можем сказать, что методологический поиск Алексеева в ранний период его творчества носил критический характер, и направлялся принципиальным неприятием тенденций натурализма, эмпиризма, рационализма и индивидуализма. Эти тенденции становятся определяющими в правовых науках в период Просвещения. Именно методологии «века разума», т.е. периода Просвещения, как полагает Алексеев, юридические науки обязаны и утверждению естественно-правовых теорий («право разума»), и, одновременно, появлению той эмпирической эпистемологии, которая ляжет в основу правового позитивизма в XIX веке. Поскольку Алексеева не удовлетворяют обе указанные позиции, он считает, что правовой науке необходимо в принципе оставить эпистемологическую парадигму Просвещения и задуматься о новой, адекватной методологии. Для философии права это означает, что прежде чем ставить вопрос о праве, необходимо заново найти правильный метод, который совмещал бы в себе адекватное представление об общественной реальности и строгую научность. И таким методом в первый период его творчества для Алексеева стало неокантианство.

⁴ Характерно, что еще у Гоббса государство, являясь искусственным образованием, тем не менее, воплощает именно естественное право, как первый закон, первое стремление атомов к самосохранению, который в условиях конфликта сил никак иначе реализован быть не может.

⁵ Алексеев. Науки общественные. С. 52

⁶ Ср. «критика рационализма была у славянофилов (в том числе у Хомякова) тесно связана с критикой индивидуализма. Антииндивидуалистично и хомяковское понимание свободы. Субъект свободы – личность – изначально выступает не как изолированный индивид, а как член определенного общественного целого... Общность эта – органическое образование...» З.В. Смирнова. Проблема свободы у А.С. Хомякова (философский аспект) // Историко-философский ежегодник. М., 2001. С. 101.

2. Феноменологический метод и философия права Н.Н. Алексеева

«Основы философии права» (Прага, 1924), пожалуй, одна из главных работ Алексеева, написана уже под влиянием Э. Гуссерля и представляет собой самостоятельное и в некотором смысле авторского применение русским философом и правоведом предложенного немецким философом феноменологического метода.

Продолжая развивать проблематику адекватного подхода к юридической реальности как таковой, Алексеев выделяет и описывает следующие основные подходы к проблеме права: *юридическая догматика, юридический социологизм, естественное право, феноменологический метод*. Каждый из этих подходов критикуется автором за то, что берет за основу отдельный принцип или феномен (позитивное право, связь общества и права и т.п.) и стремится выдать его за *всю истину* о праве.

Здесь Алексеев обозначает свое расхождение с философией права кантианства и неокантианства, откуда следует и его расхождение с идеалистическим «неокантианским» направлением в русской философии.

К заслугам кантианства, критической философии, Алексеев относит то, что ей впервые удалось обратить внимание на проблему «значимости» или проблему эйдетического смысла, в которой «впервые было достигнуто *принципиальное преодоление естественного права при полном признании недостаточности юридического позитивизма*»⁷. Тем самым он признает, что разделяет этот поиск эйдетического смысла права, логоса права, который позволит одновременно преодолеть ограниченность и юснатурализма и юридического позитивизма.

Однако, критику вызывает и *феноменологический метод*, который стремится стать *феноменологической философией права*: «Феноменология, превращенная в философию и ставшая мирозерцанием, является порождением того же глубоко ошибочного стремления к позитивизации, образцы которого мы видим в натурализме, биологизме и других попытках подменить целостность мира одной из его частей»⁸. Если говорить о традиционной для философии права предметной области правовых идеалов, то вопрос правового идеала «есть один из вопросов мирозерцания, – вопрос в вышеозначенном смысле метафизический, а не феноменологический»⁹. Вопрос о смысле — остается у Алексеева

вопросом отдельным от вопросов познания права, с одной стороны, и его эффективности в социальной реальности, с другой.

Право представляет собой единство, во-первых, правового эйдоса (структуры, формы, эйдетических связей), во-вторых, его воплощения в области фактов и причинно-следственных связей (и здесь Алексеев защищает, в противоположность Кельзену и другим строгим нормативистам, взгляд на фактический характер права¹⁰) и, в-третьих, правового идеала, как конечного смысла и вместе с тем ориентира в развитии, совершенствовании права.

Что касается **правовой структуры**, то Алексеев, путем феноменологической редукции, приходит к тому, что она состоит из следующих элементов: субъект права («лицо»), ценности, обнаруживающиеся в праве, и, наконец, основные определения правовых явлений (предикаты или модусы). Каждый из этих элементов имеет свое совершенно особое понимание в философско-правовом учении Алексеева. Субъект у него означает не только «субъекта прав», но и «субъекта обязанностей». «Субъект мыслится нами как деятель, как носитель актов, обнаруживающих ценности, в частности, актов признания... Любые правомочия и правообязанности, поскольку они являются не мертвыми понятиями, но деятельностями, в конце концов, опираются на такого деятеля»¹¹. Второй элемент структуры – ценности, которые обнаруживаются в праве, актуализируются деятелем, субъектом. Сами по себе они не являются у Алексеева особыми правовыми ценностями. Правовой характер им придает связь с субъектом в особом модусе. Эти модусы или предикаты правовых феноменов образуют третий элемент структуры: «понятие «*правомочия*» и «*правообязанности*» («*posse*» и «*debere*» [мочь; быть должным] в правовом смысле этого слова)»¹².

Конечная же цель права, по Алексееву, которая определяет **правовой идеал**, смысл права и также направление его совершенствования в реальном мире — не поддержание общественного порядка и безопасности, и, что знаменательно, даже не осуществление свободы отдельных личностей. Как известно, акцент на проблеме свободы воли характерен для европейской политико-правовой мысли, начиная с Аврелия Августина. Алексеев уходит от такой «западной» пос-

⁷ Алексеев. Основы философии права. Прага, 1924. С. 39.

⁸ Там же. С. 42.

⁹ Алексеев. Основы... С. 45. Ср. Хайдеггер почти в те же годы («Бытие и время», 1927): «Выражение «феноменология» означает прежде всего методическое понятие. Оно характеризует

не содержательное что предметов философского исследования, но их как...». Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002. С. 27.

¹⁰ Ср. также: «В кельзеновской интерпретации права как системы норм долженствования все фактическое... остается вне понятия» Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2001. С. 592.

¹¹ Алексеев. Основы... С. 74.

¹² Алексеев. Основы... С. 75.

тановки вопроса. Смысл права для него не заключается в охране личности и ее привилегий-прав. Дело не в том, что право *нужно* человеку, что «оно ему что-то дает». Фундаментальный вопрос для философского оправдания права - «почему право должно уважать?» - не может быть сведен к чисто функциональной формулировке: «что право дает мне (или обществу т.п.)?». Право – не совокупность привилегий, но возможность для актуализации личностью различных ценностей, пространство для деятельной жизни, где личность может выступать и субъектом правомочия, но также, без какого-либо для себя ущемления, и субъектом обязанности.

В объективном смысле, право не просто ограничивает зло, поддерживая в мире некоторый «минимум» добра. Идея права, помимо этого, исходит из признания и допу-

щения множества путей осуществления добра. Каждый из этих путей имеет *равное* право на свое осуществление. Этого требует справедливость. Справедливость также требует признания за ними *разного* достоинства, *разной ценности*. Справедливость в учении Алексева это и есть принцип иерархии ценностей. Таким образом, право сохраняет разумное (логистичное) и иерархичное разнообразие мира, в самостоятельности и гармонии его частей. Врагом такого разнообразия является крайний коллективизм, жесткая система, «человеческий муравейник», но также и крайний индивидуализм, бесцельная борьба эгоистических интересов, анархия, истощающая мир. Истощению противостоит мощь, радостное раскрытие потенций, которое требует свободного пространства для деятельности, для самоосуществления человека, – всего того, что гарантируется правом.